НОВАЯ ГАЗЕТА
№ 28 (448)
14 — 20 июля 1997 г.

Он переносил жизнь, как боль, и переживал каждый час, как радость

Веничка любил подарки. Он всегда радостно встречал гостей и, по-мальчишески озоруя, тыкал пальцем или прямо залезал в сумочку. Не обманувшись в предвкушении гостинца, он выпрямлялся во весь рост, с хохотком запрокидывал голову, ликуя. Такая встреча с Веничкой была ритуалом, и нарушить его, не принести «чего-нибудь» было бы так же непростительно, как забыть конфету ребенку. В награду гость с «гостинцем» становился соучастником такого искреннего счастья, на какое редко кто бывает так щедр, как Веничка. И, собираясь к нему в гости, хотелось обрадовать его редкой книжкой, необычайной штуковиной, небывалой бутылкой (или небывалым сочетанием, или небывалым количеством) и пуком цветов.

И вот сегодня у Венички была бы радость. Могу даже представить такой разговор по телефону: «Слушай, у тебя там досугу много? Ты бы бросал все... Тут ребятишки из «Новой газеты» дали мне премию Андрея Синявского и обещали подскочить в гости, как солнце станет садиться... Будут и Минкин, и Бунимович, и Хлебников... «тебя умчат такие составы»... Обещали притащить статую Донатыча, еще чего-то и плоских коньячков... Кстати, о плоской посуде... у тебя не с чем скоротать время предвкушений?»

Я уверен, после захода солнца состоялась бы прекрасная глава для книги воспоминаний. Для читателей лучезарность этой пьянки показалась бы легендарной! Мифотворческая ситуация: выпить с Веничкой! На самом деле все очень просто. С Веничкой и на московской помойке, как на полянке с сочной травкой. И в окошко вагона в петушинском тупике пахло осенним жасмином. Любой бы из нас отыскал у себя в душе «легендарные» слова об этом «мифологически» щедром человеке. И все просто. У Венички был щедрый дар — пушкинский дар — дар дружбы.

Вы думаете, он для красного словца сознается в главе «43-й километр — Храпуново», что у него «душа, как у троянского коня пузо, многое вместит». Хорошо, вы давно не садились в электричку Москва — Петушки? А ведь если вглядеться в спутников, можно заметить среди них и Митрича с внучонком Митричем, чающих компоту с белым хлебом и «в каруселях покататься», и декабриста с его одержимым Ольгой Эрдели приятелем, и Дашеньку с четырьмя выбитыми зубами за усердие в поисках своего «я»... И, например, плеснули бы вы в стакан деваха Дашеньке?.. Вы могли бы полюбить председателя Лоэнгрина, который чирьи из себя выдавливает и «пысает на пол, как маленький»? Вы простили бы кражу своей чекушки синеносому Митричу с его вывернутым внучком? А я, как приговоренный к этой электричке, почти каждую неделю вижу этих людей и знаю усилия сердца полюбить их. Вывернутых нутром, расхристанных, с дыркой контролера в безбилетной душе. Как любить их с бессмысленными глазами навыкате: Веничке в конце шестидесятых думалось, что они «ничего не продадут и ничего не купят», а в конце девяностых оказалось: они, так и не смагривая, продадут все бесценное за бесценок и накупят блевотного для слуха, зрения, обоняния, осязания и вкуса.

А Веничка — с душой, как у троянского коня пузо, — вмещал, жалел и любил. Потому что он во всех прозревал причастность к «мировой скорби», никому не отказывал в «неутешности». Он сам был человек, переносивший жизнь, как боль, и переживавший каждый час, как радость. Любовь председателя Лоэнгрина, который «пысал, как маленький», была ему близка, и потому-то, подъезжая к Павловскому Посаду, Венедикт вместе с Веничкой восклицает: «Бог, умирая на кресте, заповедал нам жалость... Жалость и любовь к миру — едины. Любовь ко всякой персти, ко всякому чреву. И ко плоду всякого чрева — жалость».

Какая уж тут «легендарная» личность писателя, новый «юродивый»? Просто старое как мир и непосильное гордому сердцу стремление понять и оправдать всякого человека перед любым судом, т. е. полюбить его.

Если бы удалось вам с Венедиктом не только выпить, но и подружиться, то в ваших глазах «легендарный» образ «птички Божьей», «юродивого в храме, где совершается литургия пьянству», быстро бы растаял. Веничка мог трудиться не менее педантично, чем Томас Манн (столь Венедиктом любимый и ему противопоставленный литературоведами как тип «серьезного» писателя, «обложенного книгами на четырех языках»), пусть коленки и служили ему письменным столом. По его записной книжке 1969 — 1970 годов, опубликованной в журнале «Комментарии» (признанном, кстати, в Ежегоднике-1997 Британской энциклопедии «самым утонченным из элитарных»), можно видеть, как, скитаясь, голодая, копая траншеи для телефонных кабелей, Венедикт вел образ жизни кабинетного ученого: скрупулезно составляет антологию поэтов «серебряного» века. Он перетряхивает немыслимые сборники даже самых забытых поэтов, зарываясь в библиографические глубины Исторички. Работа над поэтической антологией не могла не просиять сквозь строки поэмы «Москва — Петушки», поделиться с ней вдохновением, каким Венедикт надышался от «серебряновековых» поэтов.

А накануне поэтической антологии он приостановил собирание материалов о современных композиторах.

Вот так «пьяница»! Ай да «юродивый»! Ну и Веничка!

На Кунцевском кладбище на казенной могильной плите с трудом можно разобрать фамилию писателя. Скоро на радость любителей мифов семь городов будут спорить, где же могила Венедикта Ерофеева...

Всегда ли память добра?.. Некто увидел Венедикта с лицом «землистым» в середине семидесятых. Кто же был румян в эти годы? В это время уехали (всех выгнали) и Андрей Синявский, и Владимир Максимов, и Вадим Делоне... А художники, выдержавшие такие бои с неумолимой, власть имущей пошлостью! Все приходили в Камергерский переулок попрощаться с Венедиктом: расставание «может быть, навеки» всех тогда делало родными. Кто уезжал, не имел иллюзий вернуться на родину, кто оставался с родиной, не имел никаких иллюзий. В середине семидесятых Венедикт прочел «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына и года на два опустил шторы и погрузил комнату в сумрак. Выходил погулять по переулкам ночью. Как было сохранить «цвет лица» в России середины семидесятых!

И уж если окончательно перепутать автора со всеми его персонажами... «Огня в нем не было»? «Цвет лица» у него был? Он — «выглядел»? Венедикт за два месяца до кончины, краснея и восторгаясь, сознавался мне, что влюбился в шестнадцатилетнюю поэтессу Анюту!..

Хорошо, когда вспоминают о близком всем человеке без концептуальной блудливости, но и без девичьей потупленности. И еще хорошо, что о Венедикте вспомнили и связали его имя с честным именем другого мужественного и родного человека — Андрея Синявского. Будем помнить о них и поминать добром.

Венедикт Ерофеев (справа) и Игорь Авдиев (он же Черноусый)

А вот другая ситуация. Появилось великолепное издание «Венедикт Ерофеев. Владимир Пятницкий». В нем соединились два портрета — Писатель и Художник, два родных человека, которым было о чем выпить. И соединила их в одной книге своей любовью Зана Плавинская.

Она замечательно точно рассказывает о «легендарных» временах, о своих муках: «кто же Веничка? невзрачный, закомплексованный своей застенчивостью» карлик, возникающий близ Володи Пятницкого, как фантом, или он щедро наделенный красотой Аполлон «и пьет как-то нехотя, и молчит явно не из застенчивости, чувство достоинства светилось в его лице...» И вот Зана рассказывает, как «пили по кругу бутылку и по кругу читали стихи»... «Я прочла Державина, оду «Бог», и очень вдруг неожиданно, склонив свою красивую голову, Ерофеев сказал: «Какие девушки в Москве бывают — Державина читают наизусть!» Это были единственные слова, какие мне довелось от него услышать». И Зана не договаривает, что Венедикт после этих слов поцеловал ей руку. О, как много говорит этот жест тем, кто хорошо знал Веничку! Такое искреннее проявление чувств — при всех! (Я думаю, что Веничка и в церковь-то ходил так редко, чтобы при всех священнику руку не целовать.)

И почаще вызывать икоту, как советовал Веничка, подъезжая к Электроуглям. И, икая, помнить, что о нас помнит Бог, даже если мы совсем о нем забываем. Если мы и слабо веруем в Него, мы должны быть благодарны, что Он верует в нас. И посылает нам замечательных людей, помогающих нам полюбить — как самих себя — вывернутых судьбой попутчиков.

● Игорь АВДИЕВ

Все мы вышли из электрички Москва — Петушки

Во времена Венички Ерофеева в электричках книги не продавали. Сейчас продают, причем дешевле, чем в магазинах и на лотках — за аренду места платить не надо. К тому же с каждой секундой эта торговая точка оказывается все дальше и дальше не только от вожделенного и всем дорогого Кремля, но и от Курского вокзала. Но, несмотря на дешевизну, книги в электричках покупают редко. Так же, как и билеты на это транспортное средство. Большинство пассажиров предпочитают разного рода бумажной продукции пиво-воды и закуску, которые здесь же, в электричках, и употребляют. Таким образом, электричка до сих пор является главным завоеванием демократии, несмотря на провозглашенное строительство ее в одной отдельно взятой под микитки стране. А певец электричек и демократического образа жизни Веничка Ерофеев остается непрочитанным своими героями. Да, собственно, вообще всеми. Издания великой поэмы «Москва — Петушки» далеки от канонического авторского текста: где-то целый абзац выпущен, где-то целомудренная машинистка внесла свою цензурную правку. Потому что издавали эту книгу либо торопливые энтузиасты, либо не отягощенные корректностью книжные пираты. А многие другие произведения Ерофеева вообще не напечатаны. Например, его первая проза «Записки психопата» или незаконченная повесть «Благовествование». Впрочем, несколько глав «Благовествования» публиковал ваш покорный слуга с подачи одного из друзей писателя Лени Прудовского в журнале «Русская виза», который тогда редактировал. Но коварная судьба Венички распорядилась по-своему: почти весь тираж именно этого номера журнала затопили московские подземные воды в подвале «Московских (ж)е) новостей». И Благая весть до людей не дошла. Надеюсь, с этим номером «Новой газеты» ничего подобного не случится и даже обитатели электричек его смогут купить. Все-таки наше издание продается дешевле любой книги и железнодорожного билета. И еще надеюсь: Венедикт Ерофеев будет наконец опубликован в полном объеме и в авторской редакции. А пока — в пятницу, 18 июля — родственникам Ерофеева будет вручена премия «Новой газеты» имени Андрея Синявского. Распорядиться денежной частью премии родственники могут по своему усмотрению: или вложить деньги в издание однотомника, или в изготовление надгробного памятника писателю на Кунцевском кладбище. Сегодня мы публикуем фрагмент не известной читателю прозы Венички, которая должна войти в его новый однотомник. Нам любезно предоставили их друзья писателя Александр Давыдов и Игорь Авдиев, больше известный как один из героев поэмы «Москва — Петушки» Черноусый.

● Олег ХЛЕБНИКОВ

Из записной книжки 1969 — 1970 годов

Раз начав, уже трудно остановиться. 50 лет установления сов[етской] власти в Актюбинске, 25 лет львовско-сандомирской операции etc., etc. Все ширится мутный поток унылых, обалбесивающих юбилеев.

Иди ко мне, подлюка, я с тобой поделюсь моей нехитрой девичьей тайной.

К вопросу о «собств[енном] я» и т. д. Я для самого себя паршивый собеседник, но все-таки путный, говорю без издевательств и без повышений голоса, тихими и проникновенными штампами вроде «Ничего, ничего, Ерофеев», или «Зря ты все это затеял, ну да ладно уж», или «Ну ты сам посуди, ну зачем тебе это?», или «Пройдет, пройдет, ничего».

Спрашивают мал[енького] преступника: «А об отце ты подумал?» А он: «Подумал, но для него ничего не нашлось».

Если человеку по утрам скверно, а вечером он бодр и полон надежд, он дурной человек, это верный признак. А если наоборот — признак человека посредственного. А хороших нет, как известно.

Я владыка естества, не забывай, гаденыш.

Кошмарный сон с похмелья в ночь на 17/IX: вначале озноб, потом жар, потом лихоманка, потом ко мне подходят двое этих верзил со скульптуры Мухиной: рабочий подходит и бьет меня по голове, потом крестьянка — серпом по яйцам.

Вильям Шекспир получил за своего «Гамлета» семь фунтов стерлингов — цена плаща актера, игравшего Полония.

Надо, чтобы ребенок читал только серьезные вещи, но думал при этом только о постороннем, так, чтобы понять ничего не смог.

Тот же замысел: написать задачник, развивающий попутно с навыками счета моральное чувство и чувство историч[еской] перспективы.

Наприм[ер], такая задача. Выразить в копейках цены зверобоя, московской особой, столичной, российской и найти в истории европ[ейской] такую войну, все осн[овные] события которой следовали бы с теми же интервалами.

Еще одна задача. Поезд вышел с такой-то скоростью от Москвы в сторону Петушков. В ту же секунду и с той же скоростью вышел поезд от Пет[ушков] к Влад[имиру]. Они столкнулись, 250 убитых, 138 искалеч[енных].

Вопрос: как они могли столкнуться? Есть ли Бог? И был ли дома Тихонов?

И Сатана мне сказал: «А ты, Ерофеев, попробуй соскочи на ходу, может, не разобьешься». А я ему: «Не хочу, — говорю, — прыгать на ходу, разобьюсь».

Или вот такая задача: Олег Кош[евой] бьет Ульку Гр[омову] за бл...ки. Он ставит ей фонарь под глазом площадью в полтора кв[адратных] дюйма. Потом — для равновесия — под другим глазом, в два кв[адратных] дюйма. Для уравнения он бьет опять по левому глазу, но опять перебарщивает — слева уже 3 дюйма, и т. д. без конца.Ск[олько] раз ударил Олег, пока Улька не превра[тилась] в сплошной фонарь?

Благоуханные плеча.
Неозаренные туманы.

Она протянула мне шиш, я в истоме поднес его к ее ноздрям, вздохнул и заплакал.

Ты жил в углу, мой Веничка,
Пространствуй-ка
в пространстве.

Еще задача: Ал[ександр] Македонский, великий полк[оводец], покорив Персию, Мидию и Сидон, от Гавгамел повернул в сторону Петушков. Завидя наконец Петушки, рассмеялся, как идиот, и повернул в сторону Индии. Но на полпути был схвачен диадохами и растерзан. Определить дату, если и т. д.

Вернее, так. А потом сказал: «Прекрасный город Петушки. Жаль, что он не построен и не населен...»

Плащ **духовного покроя** у пасторов.

Писать надо по возможности плохо. Писать надо так, чтобы читать было противно.

Сыну завтра надо построить теннисный корт и площадку для гольфа, и комнату для игры в бридж.

Конечно, можно прожить и без этого всего. Какое дело, к примеру, чукчам, есть у них Анакреон или нет?

Глаза, глубоко спрятанные и с каким-то плещущим сиянием и мутью. С чем бы их сравнить? Вот: были вы в уборной на станции Лобня? Там, на страшной глубине, в отверстии, плещется жижа. Вот какие это были глаза.

Поэтизировать природу — самое недостойное занятие. Она ни в чем нам не сродни, т. е. слепа, нема, глуха и, самое главное, не чувствует боли. У нее есть аппетит, пожалуй, и все.

Рекламные выверты идеологов монополий.

Владимир. Вначале эти девы подвергаются интеллектуальному искусу и псиному соблазну Б. Сорокина и выходят очищенными, т. е. с ярой ненавистью ко всякой отвлеченности и охотой к элементарным удовольствиям. Вот тут и подстерегает их Тихонов со своими кудрями и своим оскалом.

Президентом следует назначать человека, у которого харю в три дня с похмелья не уделаешь.

Снадобья от нравственных немощей.

Широка и привольна ты, родная страна (дет[ский] хор).

Спокойно спи, мой Артек (дет[ский] хор).

Эптон Синклер, член социалист[ической] партии США, и его физиономия. В 1906 г[оду] издан его самый знам[енитый] роман «Джунгли». Его прочел даже Теодор Рузвельт и, прочтя, извлек идею: вопль об антисанитарном состоянии чикагских скотобоен. Распорядился о поддержании чистоты.

Петушки: там еще два дома, потом райсобес, а за ним — ничего, черная тьма и гнездилище душ умерших.

Еще одна задача: лорд Чемберлен, премьер Британской империи, выходя из петушин[ского] ресторана, поскользнулся на чужой блевотине и в падении опрокинул соседний столик. На столике было: три бутылки жигул[евского] пива и пр[очее] и пр[очее]. Какой счет был предъявлен лорду Чемберлену, премьеру Британской империи?

Поставьте меня куда-нибудь, хоть на время. Я впишусь в любой интерьер.

Еще одна задача: Папанин и Водопьянов.

Я длинен настолько, что «подпираю небосклон», как сказал поэт о Казбеке.

Долго во мне боролись сердечные влечения с чувством долга, как в трагедиях Корнеля. Сердце мне говорило: «Надежды нет ни единой, напейся как свинья, [Ерофеев — зачеркнуто] Веничка, немедля. А чувство долга: «Не смей пить, Ерофеев, ни капли». А сердце: «Ну ладно, выпей четыреста грамм и завязывай». А долг: «Никаких грамм, трех кружек пива тебе достаточно». А сердце: «Ну сто пятьдесят». А долг: «Ну, хорошо, Веня, выпей сто пятьдесят, только никуда не ходи, сиди дома».

И вот тогда-то я научился уменью в людях высшие качества: малодушие, незрелость и недостаток характера.

Записки психопата

Отрывок из первой прозы (1956 — 1957 гг.). Впервые «Записки психопата» будут напечатаны в новом однотомнике

Лежа в постели, выкурить две папиросы и поразмыслить одновременно, достойна ли протекшая ночь занесения в отроческие мои «Записки». Если все-таки достойна — выкурить третью папиросу.

Затем подняться с постели и послать заходящему солнцу воздушный поцелуй; дождаться ответного выражения чувств и, если такового не последует, выкурить четвертую папиросу.

С наступлением сумерек позволить себе легкий завтрак: 500 г жигулевского пива, 250 г черного хлеба и 2 папиросы (по пятницам: 250 г водки, литр пива и, добавочно к хлебу, рыбный деликатес). В продолжение завтрака следить за потемнением неба, размышлять о формах правления, дышать равномерно.

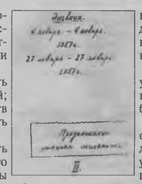
Последующие три часа затратить на усвоение иностранного языка, в перерывах стричь ногти, по одному ногтю в каждый перерыв.

По окончании занятий повернуться лицом к северо-западу и несколько раз улыбнуться. Выпить 500 г пива, лечь в постель, лежать полчаса с закрытыми глазами (по пятницам один глаз дозволяется приоткрыть). Думать при этом о судьбах какой-нибудь нации, например испанской, и находить в современной жизни ее симптомы упадка.

Встав с постели, пройти по засыпающей столице; каждой встречной блондинке говорить «спасибо» и стараться при этом удержать слезы; на поворотах икать и думать о ничтожном: о запахе рыбных консервов, о тщеславии Карла IX, о вирусном гриппе, о невмешательстве и т. д. Одним словом, казаться на людях человеком корректным и при грудных младенцах не сморкаться.

Придя домой, позволить себе до полуночи умственный отдых и скромный обед: 500 г пива и 450 г жареных макарон (по пятницам — 150 г водки, 500 г пива и, добавочно к макаронам, рыбный деликатес). Закончив обед, пожалеть кого-нибудь и внимательно на что-нибудь посмотреть.

Четыре послеобеденных часа заполнить литературным творчеством и систематизированием человеческих знаний. По возможности воздерживаться от собственных мнений, которые мешают нормальному протеканию пищеварительного процесса.



Ночные занятия сопровождать умыванием и закончить элегическим возгласом вроде: «Какие вы все голубенькие!» или просто: «Маминька!»

Наступление рассвета встречать обязательно разутым, чисто вымытым и лежащим на полу. Так, чтобы первые утренние лучи падали под углом 45° к плоскости моего затылка. Поднявшись затем, отряхнуться и послать восходящему солнцу воздушный поцелуй (по пятницам, добавочно к поцелую, рыбный деликатес).

Не дожидаясь выражения ответных чувств, углубиться в дебри своего мировоззрения, подвергнуть тщательному анализу свои отношения ко всем нравственным категориям: от стыдливости до насморка включительно. Затем обуться и выйти к ужину.

Ужин должен быть строго диетическим, и выходить к нему необходимо в нагрудной салфеточке и с ваткой в ушах. Ужин — своеобразная кульминация суточного режима, поэтому в продолжение его следует держаться правил приличия: смотреть на все с проницательностью и живот не почесывать.

Закончив ужин, вынуть ваточку из ушей и тщательно проутюжить салфеточку (по пятницам ваточку из ушей следует вынимать при потушенном свете).

Приготовления ко сну начинать непосредственно после ужина.

Встав навытяжку перед постелью, пропеть тоненьким голосом моцартовскую колыбельную и уже после этого раздеваться. Ложиться следует так, чтобы затылок, ноги, живот и нервная система были вверху, а все остальное — внизу (по пятницам ноги должны быть внизу).

Засыпая, воздерживаться от размышлений и от будущих сновидений ожидать достойности.

Рисунки художника Владимира Титова, сделанные в электричках для еще не вышедшего однотомника Венедикта Ерофеева

Благовествование

«И была среди них дева, и бремя любви падало не на меня одного, и солнце сто тридцать раз садилось за горизонт, и Я отверг».

(Ev. ad Ben., c. 13, p. 9.)

И было утро — слушайте! слушайте!

И было утро, и был вечер, и полыхали зарницы, и южный ветер сгибал тамаринды, и колхозная рожь трепетала в лучах заката.

И, мятежное дитя, Я очнулся в том самом образе, который утратил было в семье небожителей,

И снова увидел Землю, которую вечность назад покинул; и, сам не узнанный никем, не узнал никого.

И препоясал чресла, и на голову надел венок из увядающих трав,

и взял камышовый посох, и вышел в путь, озаренный звездами;

сырость и мгла подмосковных болот окрыляли мне сердце предчувствием всех начал;

и — на рассвете — пришел к водоему; и вот — безмолвие обрвалось,

и вопль о помощи огласил почиющие тростники, и траурный всплеск, и смятение отроков, бегущих к воде;

и, раздвинувший кусты, Я вышел навстречу мятущимся и сказал:

«Остановитесь, добровольцы! смирите вашу отвагу и внемлите Мне, творящие добро;

умейте преодолевать в себе то, чем являетесь вы от рождения, и не будьте доверчивы к импульсам, возникающим безотчетно:

способность к жалости и самопожертвованию — великая ценность, завещанная пославшим Меня в этот мир, —

но, достигший вожделенной цели, не станет ли ныне алчущий спасения вдесятеро преданней земле и враждебным Мне началам?

Отойдите от берега; худшая из дурных привычек — решаться на подвиг,

в котором больше вежливости, чем сострадания.

Имейте мужество быть ротозеями — даже в те мгновения, когда гражданские обязательства побуждают вас действовать очертя голову, —

идите за Мной — и позвольте утопающему стать утонувшим».

И воды сомкнулись над головой неведомого страдальца, и смущение изобразилось на юных лицах, и взглядом окинули фейерверк всплывающих пузырей,

но; окоцдованные, повиновались, и с рыданием последовали за Мной, и Я говорил им:

«Не убивайте в себе сожалений

и помните — с этого часа грудь ваша полнится тем содержанием, для которого она предназначена;

жертва, принесенная вами на алтарь оживления утопленника, была бы менее преступна, но и менее благотворна для вас самих.

Не утирайте ваших слез,

ибо свершившееся непоправимо, и дорогою ценою куплен вами ваш отказ от великодушия».

И плакали горше прежнего, и Я вразумлял их, и листва подмосковных рощ дарила нам тень и прохладу,

и пищей нам служили фабричные отходы и головки болотных тритонов, и певчие птицы услаждали наш слух;

и шли до нового рассвета, приводя в изумление встречных благородством нашей поступи и нищетой наряда.

Когда же — в пыли столичных пригородов — вошли мы под своды молодежных палаццо,

изнуренные мыслью, мы дивились: их было без малого сто тридцать, влачащих дни свои под знаком молодого задора и осиной безмятежности,

и в сладостной неге предавались лобзаниям, и ковыряли в носу, и читали решения июньского пленума,

и, завидя Меня, спросили идущих со Мной:

«Кто этот Пилигрим? и венец Его, и поучения одинаково смехотворны».

«Преждевременно называть им пославшего Меня в этот мир; взгляните —

мелкие воды прозрачны, глубокие же — неисследимы;

но говорю вам — среди вас, простофиль, избалованных повальным свинством и поэзией будней,

пробуду до той поры, пока десятая доля вас не склонит головы в раздумье над теми загадками,

которые почли вы свистом и лошадиным ржанием. Dixi».

● Венедикт ЕРОФЕЕВ

Повесть Венедикта Ерофеева «Благовествование» осталась незавершенной. Мы опубликовали одну из законченных глав, дающую представление об этом произведении.